

ЕРЁМЕНКО Александр Викторович, /25.10.1950, деревня Гоношиха Алтайского края/ - поэт.

Из крестьянской семьи, по выражению отца поэта, “из середняков”. Е. окончил среднюю школу г.Заринска, затем в качестве литературного сотрудника работал в газете Сорокинского района “Сельская новь”, позднее - трудился каменщиком на стройке. В 1974 году переехал в Москву, где постоянно проживает по сей день, и поступил в Литературный институт. Обучался в семинаре А.А.Михайлова, но формально курс обучения так и не завершил. В период студенчества и позднее работал кочегаром в одной из московских котельных. Этот отрезок жизни нашел отражение в творчестве Е. (см. стихотворение “**Кочегар Афанасий Тюленин...**”).

Стихи Е. долгое время не имели выхода к массовому читателю, обретая жизнь лишь на страницах “самиздатовской” периодики. Все публичные выступления автора ограничивались участием в деятельности того круга литераторов, который во второй половине 1980-х годов получил известность под именем Московского клуба

“Поэзия”. Е. принял участие в одном из первых программных выступлений московских поэтов “новой волны” 8 июня 1983 года на вечере в Центральном доме работников искусств, посвященном теме “Стилевые искания в современной поэзии: к спорам о метареализме и концептуализме”. В центральных изданиях стихи Е. начинают публиковать только с началом эпохи “перестройки”. Едва ли не первым выходом Е. к массовому читателю стала подборка его стихотворений в ж. “Юность” в 1986 году (№5). С этого момента стихи Е. появлялись в той же “Юности”, в “Огоньке”, в “Урале” и других изданиях довольно часто, появились и публикации в отечественных и зарубежных поэтических сборниках. В 1990 году в “Библиотеке “Огонек” вышла первая книга Е. - “**Добавление к сопромату**”, а через год в московском издательстве “ИМА-пресс” - вторая, “**Стихи**”, более полно представляющая читателю парадигму поэтических пристрастий Е. Опубликованные произведения поэта неоднократно провоцировали полемику критиков как о трактовке отдельных произведений Е., так и о самом существовании “новой поэзии” в целом (см., например, полемические статьи А.Пурина и Ю.Немировской в “Литературной газете” №28 от 11 июля 1990 года, с.5). Е. упоминают едва ли не в каждой статье о поэзии 1970-1990-х (часто - в качестве одного из лидеров лит-ры “новой волны”), однако творчеству его не посвящено ни одной специальной и обстоятельной исследования.

<**CENSORED!** : Е. начал писать стихи в 18 лет, но рубеж, отделивший период первоначального ученичества от “серьезного” творчества, поэт определяет 1975 годом. Свои стихи Е. не датирует и, очевидно, сознательно. Единственное исключение - стихотворение “Привет тебе, блистательный Козлов!..” (8 ноября 1987 г.), где своеобразным предречением автора оказываются слова его героя, Ельцина: “Вопрос неясен, но предельно прост./Наш путь вперед да будет кровью полит!/Нас надо всех немедленно уволить,/чтобы я занял самый главный пост”. >

Поэтическая манера Е. - в перекрестье творческих методов русского постмодернизма: концептуализма, метареализма, “иронической поэзии”, соц-арта. Доминанта стиля - столь характерная для московской “новой” поэзии тотальная ирония, всеуровневая игра. Например, лирический пейзаж выстраивается вразрез с классической традицией, “от противного”. Если словарь тропов, описывающих приметы цивилизации, выдает в классическом поэте человека “природного”, “естественного”, то лирический герой Е. - впервые описывающий природу в доступных ему терминах представитель технократического универсума: “Осыпается сложного леса пустая прозрачная схема./ Шелестит по краям и приходит в негодность листва...” (стих. “**Отрывок из поэмы**”); “И по сплошному шву инвариантов/ пчела бредет в гремящей стратосфере...” (стих. “**Дума**”); “И белые тяжелые сады/ вращаются, как жидкий паровоз...” (стих. “Когда, совпав с отверстиями гроз...”). Лингвистической игрой является и “научнообразность” индивидуального словарного запаса Е., вводящего в тексты в качестве сравнений как бы естественно-научную или же квазиматематическую лексику, только подчеркивающую искусственность, механистичность природы в восприятии автора-героя. Так, “пустая” ласточка (в стихотворении “**В глуши коленчатого вала...**”) “варьировала темы/ от миллиона до нуля:/ инерциальные системы,/ криволинейные поля”. О подобной рецепции информируют читателя

начальные строки соответствующих одноименных стихотворений: **“Цветы не пахнут. Пахнет самосвал...”**, **“Сама в себе развешена природа...”**, **“В кустах раздвинут соловей...”**, **“Я сидел на горе, нарисованной там, где гора...”**.

С аналогичной остраненностью воспринимает Е. и культуру, в частности, литературные традиции. Многие его стихи перенасыщены пародическими цитатами из классики. В “пособники” поэт привлекает и Пушкина (**“О чем базарите, квасные патриоты?..”** из одноименного стихотворения Е., **“Там, где человека человек/ посылает взглядом в магазин...”** из стих. **“Человек работает во сне...”**, и т.д.), и Некрасова (**“и северный ветер играет/ в косматой ее бороде...”** из стих. **“Да здравствует старая дева...”**, **“Все примитивно вокруг под сиянием лунным./ Всюду родимую Русь узнаю, и противно,/ думая думу, лететь мне по рельсам чугунным...”** из стих. **“Идиотизм, доведенный до автоматизма...”**), и прочих авторов из школьной программы (действует установка соц-арта на обязательное распознавание), и таких поэтов, как Брюсов (**“Разрушается воздух. Нарушаются длинные связи/ между контуром и неудавшимся смыслом цветка...”** - **“Отрывок из поэмы”**). Но обилие цитат и стилизационных фрагментов выдают любовь Е. к поэзии Пастернака и Мандельштама. Последнего Е. перепевает особенно усердно (стихотворения **“Бессонница. Гомер ушел на задний план...”**, **“И рация во сне, и греки в Фермопилах...”**, **“И Шуберт на воде, и Пушкин в черном теле...”** и др.), так как **“...в “Восьмистишия” гения, в мертвую зону,/ можно проход прорубить при прочтенье активном”** (стих. **“Идиотизм, доведенный до автоматизма...”**). Методика **“активного прочтенья”**, в целом характерная для лирики Е., подвигает автора не только на использование отдельных реминисценций, но и на вышивание филологических узоров по канве чужих текстов: **“Туда, где роща корабельная...”** - вольный перепев Блока, **“Я заметил, что сколько ни пью...”** - насыщенная осколками цитат стилизация под Высоцкого, **“Между слонцем горящим и спичкой здесь нет разногласий...”**, посвященное **“А.П.”** (А.Паршикову), по стилю действительно **“паршикообразно”**, **“Ночная прогулка”** контаминирует контрастирующие патетикой стихи Мандельштама и Межирова, а сонет **“Как хорошо у бездны на краю...”** - почти классический центон, составленный из стихов русских лириков разных эпох.

“Литературность” Е. доведена до логического предела в стих. **“Переделкино”**, где уже само название дешифрует сущность метода: **“переделке”** подвергаются сведенные в единый речевой поток аллюзийные цитаты из Пушкина (**“Руслан и Людмила”**) - и Пастернака (**“Баллада”**), иронически реализуются значения фамилий и псевдонимов послереволюционных литераторов (Горький, Белый, Блок, Федин, Бедный), и, наконец, псевдомифологический сюжет объемом и необусловленностью цитат доводится до абсурда (**“Играет ветер, бьется ставень./ А мачта гнется и скрыпит./ А по ночам гуляет Сталин./ Но вреден север для меня!”**).

Вместе с цитатами из классики вводятся в пародический оборот стилистические штампы советских песен (в стихотворениях **“Игорь Александрович Антонов...”**, **“Памяти неизвестного солдата”**). Травестированию подвергаются и жанры, например, хокку в одноименном стихотворении: **“Я окна открыл./ Пусть ветер гуляет по комнатам,/ как центробежный насос”**. Другая **“восточная”** миниатюра: **“Жаркий полдень./ Бутылку вина/ ворую в универсаме”**. А в **“Невенке сонетов”** Е. доходит до иронического снижения целого стихотворного цикла всевозможными путями: маркируя разрыв с вековыми традициями заглавием цикла или обещая читателю маргинальную тему (**“Блатной сонет”**), шокируя уничижающим сравнением (**“войди, мой друг, в святилище сонета,/ как в дорогой блестящий туалет...”** - сонет **“Вдоль коридора зажигая свет...”**), используя едва ли не в каждой части цикла рифмы, стирающие грань между омонимией и тавтологией (язык-язык, кости-кости, головой-головой, слева-слева и т.п.), или даже отказываясь от рифм (**“Сонет без рифм”**).

В этом же цикле - одно из лучших стихотворений Е., **“Громадный том листали наугад...”**, в котором за истощившейся иронией уже и не прячется искренний пафос гражданской боли: **“И вот теперь, когда вылезит гад,/ и мне долдонит, прыгая из кожи,/ о том, что жизнь похожа на парад,/ я думаю: какой же это ад!/ Ведь только что вчера здесь был детсад,/ стоял грибок, и гений был возможен”**. Но с официозом и его искусственной патетикой Е. справляется жестоко: **“А потом угодила в меня/ злая пуля бандитского зла!/ Я раскрыл парашют и вскочил на коня,/ кровь рекою моя потекла”** (стих. **“Покрышкин”**). В отдельный ряд выстраиваются антитоталитарные произведения Е.: **“Репортаж из Гуниба”**, **“Стихи о “сухом законе”**, **“Посвященные Свердловскому рок-клубу”**, **“Столетие любимого вождя”** (акростих), **“Девятый год войны в Афганистане...”** и др. В 1970-1980-х годах в стихах Е., как справедливо отметила в

упомянутой выше статье Ю.Немировская, “был осуществлен мужественный и пьяный прорыв из области всеобщей придавленности в область космической свободы духа”.

Соч.: Добавление к сопромату. М., 1990; Стихи. М., 1991; А.Еременко - в сб.: Порыв. Новые имена. М., 1989.

Лит.: Новиков Вл. Однажды в студеную зимнюю пору... - Лит. газета, 1990, 30 мая; Курицын В. “Центровой” Еременко. - Дружба народов, 1991, №9; Эпштейн М. Метаморфоза (о новых течениях в поэзии 80-х годов). - в кн.: Парадоксы новизны. М., 1988.

В.Б.Семёнов

Источник: Русские писатели 20 века: Биографический словарь / Гл. ред. и сост. П.А.Николаев. М., Большая Российская энциклопедия; Рандеву – А.М., 2000. С. 258-260.